

Обзоръ источниковъ.

1. Летописи.

(Библиографія.)

Шмидтъ. Ксенографъ.

Строевъ. Предисловіе къ Софійскому
Временнику.

Его же. Олинийской русской летописи
С. 1835.

Его же. О недостоверности русской ис-
рии. С. 1835.

Каченовскій. Обясненіе коимъ времени
въ русской истории. Ж. Зн. М. У. и П. кн. 2.

Погодинъ. Изъясненія, лекціи и за-
писки, т. I и IV.

Его же. О первой русской летописи С. 1875.

Бутковъ. Обзоръ Ксенографской летописи.
С. 1840.

Перевощиковъ. О русскихъ летопис-
цахъ и летописцахъ. Труды В. А. И. т. IV.

Вильямсъ. О Ксенографской летописи. У-
ченія въ М. С. У. 2-го года, № 5.

Сухомлиновъ. Древняя русская ле-
тописи. Записки Погод. Акад. 1869.

Срезневскій. Чтенія о древней русской летописи. Зап. А. И. т. II.

Бесруковъ Юлианъ. О составѣ русскихъ летописей. Летописи закар.
Арх. Ком. кн. IV.

Пископировъ. О Мавренѣвской летописи. Ж. М. И. пр. 1889. 10.

Шахматовъ. Хронологія древнихъ русскихъ летописей. С. 1894.

Лавровскій. Изъясненіе о Якимовской летописи

§ 8. Определение летописей и их значения.

Главными и основными источниками русской истории, на которых научная критическая мысль строит свои выводы и гипотезы, есть летописи, под которыми разумеется подробное описание событий, отличающееся то подробностью отдельных повествований, то краткими замечаниями, содержащими нередко ить двух-трех слов. События в летописи излагаются без всякой прагматической связи; единственная связь — хронологическая.

У каждого народа летописи появляются очень рано и, иногда, тогда, когда является, хотя бы самый неопредмеченный вид, сознание своей народности; когда на сцену выступают герои, выходящая мифа, тогда возникают и повести об этих лицах — зачатки летописного свода. Причины происхождения этих памятников коренятся в самой природе человеческого, которая требует памяти о прошлом и увековечивания его деяния. Отсюда ить громадное значение не только для истории, но и для жизни.

Как частное, так и общественное и официальное значение они имели для князей и дружинников, как главных участников в событиях, описываемых в летописях. Впоследствии они служили оправдательным документом для воззвания прошлого исторических деятелей, ить родословной и ить вероятных притязаний. Такое официальное значение наших летописей подтверждается не только кратко историческими фактами. Когда в 1176. князь Василий Васильевич судил отворить Шамского перед ханом, то доказывал свои права, по отчеству и дяденьку, а Юрий, искаше престола летописцы и старыми списки. Когда Иоанн III замысливал уничтожить свободу Новгорода (1471), то взял от собого человека, знавшего летописную мудрость, чтобы показать новгородцам ить старинные преступленія против князей и увести ить в то, что достоинство князя существовало издревле. Летописи наши имели, наконец, и юридическое значение, что под-

тверждаешь только, что въ нихъ найдены много памятники нашей древней юридическаго быта: договоры нашихъ первыхъ князей отъ Грековъ, Русская Правда, разные другіе договоры князей, вуровная волинская князя Василика, а впоследствии даже ханскіе ярмаки.

Еще большее значеніе имѣютъ иныя для насъ въ настоящее время; правда, они теперь совершенно утрачены, но характеръ литературнаго чужія, которыми дорожили люди стараго времени, но за то являются драгоценными историческими памятниками, заключающими важный материалъ для вѣтовой и политической исторіи Россіи съ IX по XVII вв. 4)

§ 9. Изданіе летописей.

Изданіе летописей началось уже сравнительно давно, именно съ 1467 года, когда были изданы Ленинбургскій или Радзивилловскій списки. За ними слѣдуетъ рядъ другихъ изданій летописей, но систематическое изданіе началось только въ 1841 г. „Полное собраніе русскихъ летописей“, изъ которыхъ уже издано 15 т.: въ I т. — Лаврентьевская и Троицкая, во II — Ипатьевская и Густынская, въ III — три Новгородскія, въ IV — Четвертая Новгородская и Псковская, въ V — Псковская и Софійская, въ VI — Софійская, въ VII и VIII — Воскресенская, въ IX и X — Никонькова, въ XV — Тверская, въ XVI — такъ назыв. А. Яблони. Въ 1871 году Археологическая Комиссія издала Ипатьевскій списокъ и тогда же фото-литрографическое изданіе начальной летописи по тому же списку; впоследствии появились фото-литрографическія изданія начальной летописи и некоторыхъ другихъ. Въ 1897 г. вышло III изданіе Лаврентьевской летописи. XIV

§ 10. Очеркъ историческаго развитія вопроса о летописи.

Неудивительно, что въ виду громаднаго значенія летописей, изученіе ихъ началось одновременно съ возникновеніемъ науки русской исторіи. Въ настоящее время по этому предмету существуетъ громадная литература; много положеній общаго характера, но много еще и въ нихъ, рѣшающихся прежде, нежели удовлетворительно, теперь не возмуждаются болѣе солид-

ний. Въ XVIII в. относительно нашей первоначальной летописи господствовало мнение, что она принадлежит иному Киево-Печерской Лавры-Нестору, так как на некоторых списках встречается это имя и почти все русские историки этого времени считали летопись отрывкомъ самострательного трудомъ Нестора и придавали всему, что заключалось въ летописи, значение историческаго факта по своей достоверности.

В. Н. Матильда, написавший „Историю России съ древнейшихъ временъ“, которая по своимъ добротствамъ выдвигалась изъ числа историй этого времени, первый съмѣхъ критически относиться къ летописному памятнику и отвергать въ немъ некоторый баснословный элементъ, но всеразъ онъ сражался за принадлежность первоначальной летописи Нестору. Это же мнение держался и известный издатель этой летописи князь-академикъ Августъ Мисеръ и объяснял несогласие списковъ и явные вырвочки некоего переписчика, на которыхъ и основывалъ свое сужденіе. Онъ даже предпринялъ трудъ возстановить текстъ Несторовой летописи по средствомъ сравненія и критическаго разбора разныхъ списковъ. Многія Мисера касательно древней летописи держался и его покровитель по этому вопросу Н. Карамзинъ. Новѣе наше время, когда стали внимательнѣе извѣщать о содержаніи этой летописи, стали приводить къ иному выводу, именно, что летопись далеко не такой цѣльной памятникомъ, какъ думали Мисеръ и Карамзинъ.

Скептическая школа. Новѣе годы XIX столѣтія такъ называемые скептики, во главе которыхъ стоялъ проф. Моск. Ун. М. П. Каменовскій (историкъ), заподозрили даже древнее происхожденіе Повести временныхъ лѣтъ. Скептики основались на томъ фактѣ, что стили нашихъ летописей не восходятъ ранѣе XII и XIV и стали утверждать, что это есть произведеніе XIII вѣка, и для болѣе древнихъ временъ имѣетъ мало значенія. То, что мы называли летописью Нестора, по мнению скептиковъ, имѣетъ въ своей основѣ монашескія записки, ко-
 1

роизводили Нестора, и позднейшие списатели его разукрасили баснями. Каленовский (и Строев), относя летописи к XIII и XIV вв., но при этом никак не ввиду явного указания в летописях на время существования в начале XIV в. должны были, конечно, признать подлинность летописи. И действительно, как скептики и апостолы на летописи, потому что не видели в возможности соображения летописи в XI-XIV в. по соображению образованности в России в то время.

Таким образом Исаев превращает в *tabula rasa* нашу историческую жизнь до призвания князей и видя в ней *tabula rasa* одну лишь черту нарисованную варварства. Наши скептики превращают в *tabula rasa* от греческих черт нашу варварства и первые времена нашей княжеской Руси, уничтожая греческим ипсизмом ипсизмом князей и всю культурную работу ополки Новгородской, которая так занимала наших греков и в греческом числе Исаева.

Эта скептическая школа, надо заметить, образовалась под влиянием исторического метода Кибур, изгнавшего своим изслыдованиями все мифологическое из Русской истории. Таким мифологическим вояком наши скептики признавали все время до Владимира на греческом основании, греческая история являлась на сцене вездь того же времени признавая христианства. Высшая критика, по мнению скептиков, должна состоять в строгом сличении наших домашних извещений с иностранцами, что отняли и Исаев, и, кроме того, в строгом соображении наших событий с ходом их в Западной Европе. Сравнительный метод изучения нашей истории и истории других народов стал для скептической школы.

Юматовская школа. Этому скептическому направлению незамедлительно вскоре явилась реакция в лице Яковлев противников скептической школы. Погодина и Сухомов, которые снова восстановили религию летописей, пошатались скептиками.

М. Н. Погодин в своих лекциях не отрицает, что в нашей летописи есть истинные прибавки, как: о смерти Олега, о изгнании древлянских Олега, о посольстве Владимиру о предположении войны, по сравнительное извещение Несторовой летописи и иностранной свиряжской о России и вообще летописей дружных народов приводит его к заключению, что наша летопись имеет необыкновенную достоверность и составляет ее, Нестор, заслуживает величайшего уважения. Матвеевский же доказывается Погодин, упреждая на богатство у Нестора южных извещий, особенно упреждая на поразительное множество географических данных, которых никто не может опровергнуть, дали Погодину возможность открыть значение нашей начальной летописи явным образом.

П. П. Бутков в своем сочинении „Оборота русской летописи Несторовой от кавказских скептиков“ выступил также против последних и упрекавших ее в несправедливости по отношению (по отношению) к нашим древним памятникам и к культурному достоянию нашего древнего прошлого. Он широко раздвинул область исследования для выяснения культурного состояния России в XV в., когда появилась наша первая летопись; выяснил значение китаевского, просветительного влияния на нас Византии и просветительное значение Киево-Печерского монастыря, раскрыл, как в этом монастыре сосредоточивались извещения из различных частей России, и что обращало на себя внимание в свое время. Все это утверждало Бутков в изложении, что в Киев достоверно написано та летопись, которая известна у нас под именем Несторовой и что для объяснения происхождения этого памятника надо кавказские прибавки не предполагать, что предварительны существовали так называемые монастырские записки.

В первой части своего сочинения Бутков раздвигает с большим знанием и большим научно-иностранной извещения о России для выяснения ее состояния и объяснения достижений древнерусской культуры и древнерусской летописи. Во второй же части своего сочинения он решает главный вопрос — о Несторе и его летописи.

После Погодина и Буткова, так жарко раздвигавших за Нестора, заявили новые сомнения относительно его Н. С. Кавзанский, упрекавший противоречия, существовавшие между сочинениями — „Сказание о Борисе и Глебе“ и „Житие Феодосия“, принадлежа-

нами, несомненно, монаху Нестору и самому летописцу, кто за-
мечательны эти сочинения. Тот, чье сочинение вошло в летопись, говорит,
что он пришел к Феодосию, а Нестор в житии Феодосия говорит,
что он пошел к приаминскому Феодосию Стефану и о Феодосии гово-
рит уже по преданию. Следовательно, что равносмысленно Бориса и Глеба в
летописи принадлежит не Нестору, а такому Черноризцу. Впоследствии др.
Казанский утверждает, что надо отказаться от мнения, что
самый свод сочинений Несторова.

§ 11. Вопрос об авторе русской летописи.

Таких образцов, Казанский, признавая древность летописи,
отвергает. Этого принадлежность ее Нестору и, не решив, кто же
ее автор? оставив этот вопрос открытым, представив его решение
следующим русским ученым.

Прежде ученые, утверждая единогласно, что автором древнерус-
ской летописи был Нестор, основывая свое мнение на том, что
названо на том, что во 1^е, в новгородских списках говорится
о Несторе; во 2^е, в послании иже к нему Печерского Помикаря от
Александра говорит, что Нестор написал в летописи житие св. Дании-
ла, Герасима и др.; во 3^е, в Воскресенском списке под 1091 г. равносмы-
сленно упоминает о себѣ при открытии мощей св. Феодосия рек. др.; др.
еще упоминает, аже и летописаніе се въ то время писаша, въ то время
какая копѣ и т. д. Между тем в Петербургском Материале нави-
дѣна иже, которое было при открытии мощей Феодосия; это иже - Нестор.
К позднейшая историческая литература получила отчасти этот
вопрос иначе и подтверждает все вышесказанное в тру-
дах Бестужева-Волынского, Срезневского, Сухомлинова и цитирует ра-
зличные изыскания. Кратчайшее сочинение Бестужева-Волын-
ска, разобравшее вопрос о состоянии древнерусской летописи, ут-
верждает, что она не принадлежит Нестору, какъ отъ монополизатора,
а представляет сборник, и что источники этого сборника могут
быть определены. Бестужев-Волынский весьма удачно исполнил
эту задачу. Еще раньше признавал это Сухомлиновъ въ своемъ изыс-
ковании о русской летописи, какъ о памятнике историческом.

Равнина между двумя двумя традициями заключается в том, что Сухоминков определил все равнообразие источников, как туземных, так и иностранных; указав на заимствования из Ветхого и Нового Заветов; указав и на другие заимствования, на народный элемент, на предания и пр. Словом, Сухоминков совершенно ясно расценил первоначальную работу на ее составные части. Бестужев-Рюмин тоже определил туземные источники и летописи: это были краткие записки, которые могли вестись в монастырях; записки, которые могли отписываться характером частным; в них упоминались семейные дела князей, т.е. год и день рождения и смерти того или другого князя - все это в кратких чертах. С другой стороны, это были обширные повествования светского или духовного характера. Повествования светского характера отражают в основном материальную жизнь князей, и, как видно из содержания, они отписывались самодельными характером и представляли собою вставки в летописи. Итого касаясь духовного характера, то сюда входят разного рода жития, напр. Водосия, Бориса и Глеба, рассказы об основании Киево-Печерской Лавры и др. Кошмарово отписывает третий источник русской летописи - а именно народный и предания. Сюда относятся баснословные сказания о смерти Олега, о походе Руссов на Византию. В эти точки зрения он проводил все летописные рассказы и отписывал все за предания. При разборе этого труда Кошмарова оказывается, что не какие предания являются домыслами книжников и переписчиков, которые делали много передыжки в летописи, чтобы не писать больших отрывков части отрывая из преданий народных. Мы видим, что Кошмаров не был автором летописи; не же был-ся автором, или-ли это сверженная или духовная книга? - все говорит в пользу последнего. Литературная деятельность возникла у нас совершенно введения Григорьева и она по-прежнему церковно-религиозный характер. Иные же нам летописи были книга духовная: иными Введенского монастыря Симеон, еп. Тобольский и др. В Радзивиловском списке на картине в виде свертка изображены монахи; это типичное изображение в новейшей литературе в лице Тихона в драме "Борис Годунов". Наконец, монастыри в это время не были удалены от жизни, они принимали участие в государственных вопросах. Духовная книга является во

качества пословъ съ крестными грамотами; следовательно, они шире
 знали о ходе переговоров, они сопровождали князей въ походы.
 сами князья являлись въ монастырь и просили благословеніе на походы, сооб-
 щать о совершающихся. Сюда же съезжались лица изъ различныхъ областей
 и могли передавать рассказы о своей родине; наконецъ, и для самого похода
 монастырь являлся канцеляріей. Отсюда и объясняется присутствіе въ мѣ-
 стѣ значительнаго количества монастырскихъ сказаній и религиозно-благос-
 ловенныхъ речей и писемъ по поводу различныхъ событий. Но на ряду съ духовными
 авторами могли быть и светскіе лица, и особенно сообщенія, особенно касаю-
 щіяся войны, изображающія съ такою подробностію, какая недопустима писцу ду-
 ховному. Ипатьевскую летопись составляли и духовные и светскіе лица.
 Светское факты, попадающіяся въ летописи, обнаруживаютъ несомненно
 официальный характеръ; напр., въ Киевской летописи Ипатьевского спи-
 ска сообщается о томъ, какъ великій князь пользовался летописью для своей
 цели, именно, онъ велѣлъ вписать въ летопись храниму житіе Бегея.
 Иоаннъ III, отправляясь въ Новгородъ, взял съ собою дьяковъ и летописи, чтобы
 указывать новгородцамъ на ихъ неправды. Въ это время, т. е. въ XIV и XV вв. летописи
 этой сферой были принимаются официальный характеръ; онъ мало по малу
 преобразуется въ разрядныя книги, которые вошли въ значительное
 количество и представляютъ своего рода летописныя записки, но официаль-
 наго характера. Теперь въ летописи могли входить только такіе рассказы, ко-
 торые были интересны великому князю. Такое изменение въ характе-
 ре летописи сѣе въ связи съ переходомъ государственнаго дѣла въ XIV и XV вв.
 Главная разновидность исчезаетъ, являясь идея централизации, а это
 должно было отразиться и на летописи. Книжное украшеніе, криво-
 криво проявляясь въ летописи и особенно въ областныхъ. Оценка одного
 и того же события въ различныхъ летописяхъ различна: у одного автора (Роско-
 шаа летописи) господствуетъ скорбное чувство; онъ оплакиваетъ паденіе древня-
 го вѣка и самообразуется своего родного города, именуя темъ какъ о ро-
 дины другаго летописца (Московского въ Китежскомъ епископѣ) не-
 бита не являются не только крамолами и вѣдниками, которые дол-
 жны быть уничтожены, но даже прощаны и руганы, вырываются
 на вѣтъ даже всякаго почитанія. Есть еще одна черта каліи
 древней летописи, заслуживающая вниманія, — это строгая система

миссия, которая заставляет летописца представлять свои умные домысли, воображения и гипотезы, хотя большинство из них очень бледны. Досих пор на эти гипотезы смотрели как на народные предания; они являются теперь всё недостаточными, но все же выступают, как отголосок старой отрывчатости. Так смотрели на этот вопрос Костомаров и другие. Но гораздо правильнее видеть в этих прозе умные домысли летописцев. Таких, напр., характеров описания и в известие наше летописца о переселении славянъ въ Дунаю. Костомаров указывает на важное значение Дуная въ народных песнях, но, по видимому, отрывая отъ связи съ книжными преданиями нашего летописца древней этнографіи Восточной Европы. Говоря это, мы не отрицаемъ существованія очень многихъ преданій въ летописи.

§ 12. Происхождение летописей.

После всяка предположенія предвѣдѣнаго замечаній мы можемъ поставить вопросъ: каково происхожденіе древней летописи? Еще Шлегель весьма много, долго господствовавшее въ наукѣ, что Новосѣевицынъ предвѣдѣлъ подражаніе византійскимъ образцамъ, слово въ, онъ ставилъ ее въ прямую связь съ византійскими хрониками; но это являлось одно затрудненіе, которое и до настоящаго времени не вполне устранено. Оказываясь, что мы не можемъ указать въ византійскомъ летописаніи такихъ образцовъ, которыхъ, изобрѣвъ, подражалъ авторъ летописи. Эта невозможность привела къ противоположному мнѣнію, что русская летопись должна быть поставлена въ связь не съ византійскими, а съ западно-европейскими хрониками, или, такъ называемыми, анналами. Въ исѣдѣніи, было сковано русской летописи съ латинскими анналами. Указъ, какъ и тамъ, одно и то же событие описывается на двѣ и болѣе частей, если оно не случилось въ одинъ годъ; и тамъ, и у насъ существуютъ нѣкоторые годы. Такихъ образцовъ, эти хроники являлись наиболѣе характерными признаками летописей. Но объяснить такое сходство нашихъ летописей съ западно-европейскими анналами не было никакой возможности. Никто не могъ допустить непосредственнаго заимствованія нашихъ книжниковъ съ западно-европейскими анналами, написанными на латинскомъ языкѣ въ такое раннее время. Тогда пришли къ другому заключенію, что источники западно-европейскихъ анналовъ и нашихъ летописей были одни и тѣ же и именно, такъ называемые посланья таблицы и даже удалось найти такія рукописныя крат-

защиты на пасхальных таблицах, относящихся к XIII и XIV вв. В
первую очередь христианства, еще до официального принятия его
при Владимире Святославиче, вопрос о праздновании Пасхи и других подвиж-
ных праздников должен был получить важное значение. На основании
молитвенных можно установить празднование Пасхи, т. е. события, вычисление
12 в. в 12 в. Кирилл написал, чтение, или же вводит число востановить,
конечно, подобного рода таблицы могли существовать и раньше. Недалеко
в нашей молитвенной книге, церковной астрономии и пасха-
ли-молитвы, вригиты, кресты луны, кресты солнца; но эти практического
значения в молитвенной не имеют. Это, повидимому, остатки воспомина-
ния о прежнем вращении. Наконец, фактически подтверждением этого яв-
ляется самая пасхальная таблица, найденная в одной
старинной рукописи Синодальной библиотеки от XIV в. Оказалось, что эти
таблицы представляют крайнюю редакцию молитвенных изводов; напр.,
под 1066 годом в пасхальной таблице написано, Борис, а в мо-
литвенной под 1066 годом говорится об убиении Бориса. Под 1215 в та-
блице стоит, Юрьев день, а в молитвенной рассказывается о войне новгородцев с ве-
ликим князем Юрием. Под 1237 в таблице стоит, Татарское, а в мо-
литвенной рассказывается о татарском нашествии. Таким образом, краткая
защита на пасхальных таблицах является по всей вероятности первоначальной
основой более подробных исторических сводов, поименованных
в молитвенной, но можно сказать и наоборот, что пасхальная таблица
— сокращенная молитвенная. Все же, не имея вполне доказательного по-
ложного объяснения, мы признаем ее наиболее удачной.

§13. Время возникновѣнія летописи и мѣсто
ея написанія.

Теперь является другой вопрос, когда возникли летописи? При решении этого вопроса следует различать краткия летописныя записки и своды этих записокъ, редакцірованныя и сводимыя въ болѣе или менѣе обширныя летописанья, которая даются были существовать очень рано. Бѣзь сомнѣнія, такія записки въ видѣ краткихъ летописей существовали въ X в., но составленіе древняго летописнаго свода или такъ назыв. повѣсти временныхъ лѣтъ, не-

правильно приписывавшей Нестору, не может относиться раньше XII или XIII в. для составления подобнаго своеника должны существовать такая условная письменность, которая едва ли была возможна в X в. Между тем, ко второй половине XI и XII в. относится целый ряд литературных памятников (произведений) Луки Шидлатос, препод. Водосия, monk. Такова, митр. Киевского Илариона, Даниила Малеиника, Даниила Заточника, Кирилла Тировского. Весь этот ряд литературных произведений, довольно разнообразных, характеризующих XII в., ясно указывает на значительное развитие литературы и, по этому, имеет основания определять составление древне-рукописнаго свода на Западную позже, т. е. к XII и XIII в., как сформировавшихся. Правда, мы имеем крайне указания на существование летописи до второй половины XIV в. — это указание, с одной стороны, на древняго Ростовскаго летописца, а с другой — на составителя Галицкой летописи, которую сохранил известной чертой Матфеев, но они слишком неопределенны и сомнительны. Особенно много написания летописей мы имеем указания, что они велись во многих местах; мы знаем о ведении их в Киев, Новгород, Ростов; многое от каменного в вероятности говорить о летописании на Волыни, в Словении, Полоцке и др. Новопрось не в том, где писаны летописи, а в том, где раньше всего они были появились. Конечно, что прежде всего они должны были возникнуть в Киев, как родина культурнаго центра, но кратко замечая, особенно в древних областях могли возникнуть также рано, как и в Киев. Киев в начале составлен свода (XII и XIII в.) еще не утратил не только культурнаго, но и политическаго значения; он является фактически политическим центром Русской земли, поэтому эта первоначальная летопись говорит нам о событиях всей Русской земли. В это время областные летописи еще не получили своего значения.

§ 14. Понятие о списках, разрядках, редакциях и изводах.

Рукописи, в которых до нас летописи, называются летописными списками. Такие списки одна Археографическая комиссия имела не менее 16; много их находится в библиотеках и частных собраниях рукописей. Все название списки получили по какому-нибудь случаю или случаю: по месту нахождения.

авантис рукописи, по имени владельца или переписчика — Ипатьевской, Лаврентьевской (переписчикъ Лаврентій), Кирилловской. Тасю и севернен-
но исправлено вместо слова „спіскови“ употребляютъ название списковъ.
Всѣ дошедшіе до насъ списки мѣнялись на несколько категорій: по со-
дѣржанію, или, правильнѣе говоря, по мѣсту описывавшихъ или собо-
ра, мѣстописи дѣлаются на кѣсколко разрядовъ, раздѣляющіеся въ
эти списки для параллельной иероглифической: „Кіевскія, Псковскія“ и т. п.
Мѣстописи одного и того же разряда оригиналы другъ оъ друга или вы-
бравъ мѣстописи, или ихъ равноценіемъ, и на этомъ основаніи мѣстописи
дѣлаются на редакціи, напр., первоначальная, мѣстописи составляютъ оу-
дѣльный разрядъ. Теперь эти разряды могутъ быть или южной или се-
верной редакціи. Ипатьевскій списокъ по разряду принадлежитъ къ
первоначальной мѣстописи, а редакція его — южная; Лаврентьевскій
же принадлежитъ къ южной разряду, или же къ северной редакціи.
Вместо термина „редакція“ употребляютъ слово „изводъ“: вместо
того, чтобы сказать: Кіевская мѣстописи южной редакціи, гово-
рятъ: Кіевская мѣстописи южного извода. Иногда подъ редак-
ціей разумеется форма изложенія, большая или меньшая
распространенность. Наконецъ, по времени списки дѣлятся на
древніе и новыя; къ числу древнѣйшихъ относятся Синодальный
(10^й полов. XIV в.), Лаврентьевскій, Ипатьевскій и др.

Теперь перейдемъ къ обзору отдѣльных мѣстописей.

„Повѣсть временныхъ лѣтъ“

Вопросъ оъ ея авторѣ. Долгое время думали, что первоначаль-
ная мѣстописи не естъ сводъ а мѣстописи, принадлежащая преп. Кесѣ-
ру, иноку печерскаго монастыря. Это мнѣніе основывалось на томъ,
что, во-1^ю, въ новгородскихъ спискахъ (Новгородская, Архивная
и 3^{хъ} изводныхъ Матвѣеву и не дошедшихъ до насъ) стоитъ имя Ке-
сѣра; 2) въ памятѣхъ Печерскихъ, въ послатіи и пискѣ Печерскаго Поче-
сара къ Акиѣпѣ разсказывается, что Кесѣрь написалъ Эпиграфъ Ва-
сиана, Герасима, Матвія и Исаакія, а оу житія почитаемъ въ мо-
нѣсти; 3) въ Воскресенскомъ спискѣ мѣстописи говорить о сѣтѣ, автѣ
же утомной, и же и мѣстописи сѣ въ творѣніи писавъ взавъ